

«Какая глупая, импульсивная мысль», — подумал Чэн Цзие.

Чтобы как-то отвлечься от этого внезапного порыва, он сунул руку в карман в поисках телефона или хоть чего-нибудь, за что можно было зацепиться пальцами. Но карман оказался пуст. Пришлось как ни в чем не бывало вернуть руку на место.

Юй Сингэ заметил этот жест и решил, что тот ищет сигареты:

— Зажигалка нужна?

Подаренная Чэн Цзие зажигалка все еще лежала у него в кармане.

Чэн Цзие покачал головой. В густых синих сумерках было не разобрать выражения его лица.

— Решил бросить.

Он и раньше-то не слишком злоупотреблял табаком или алкоголем, прекрасно зная об их вреде. А теперь при одном взгляде на сигареты в памяти неизбежно всплывали те бесконечные ночи на балконе. И к прежним доводам добавился еще один, самый веский — они навевали тоску.

Юй Сингэ удивленно приподнял бровь и убрал руку, уже нащупавшую в кармане зажигалку.

— А с сестрицей Сяо Цяо играть в карты оказалось весело, — гитарист решил сменить тему.

Улицы погрузившегося во тьму Цичэна тонули в глухом полумраке. Ветер с шелестом трепал наклеенные на столбы объявления. На высоковольтные провода с глухим воркованием опустился белый голубь.

Чэн Цзие сощурился и мягко усмехнулся:

— Это пока она не начнет жульничать.

Они неспешно двинулись в обратный путь. Неверный свет ущербной луны перекрывали высившиеся по сторонам многоэтажки, отчего вокруг стало совсем темно. Юй Сингэ за весь вечер не проиграл ни разу, а потому не сделал ни единого глотка спиртного — от него пахло лишь сладковатым, чистым ароматом цветов аглайи.

На улице, где теснились бары, интернет-клубы и караоке-залы, из-за внезапного отключения электричества высыпало много народу. Какой-то прохожий с руганью пнул валявшуюся под ногами жестяную банку. Полетевшие брызги зловонной жижи из забитой ливневки окатили

сидевшего на корточках желтоволосого парня. Тот сплюнул сигарету и разразился отборным матом.

Чем больше становилось людей, тем сильнее сгущался хаос. В тишине ночи голоса звучали неестественно резко. Пользуясь неразберихой, из заведений на тротуар выпорхнули девицы легкого поведения. В темноте нельзя было разглядеть их вызывающий макияж и блески на веках, зато голоса звучали завлекательно и нежно.

Когда они проходили мимо, одна из девиц, решив попытать счастья, шагнула навстречу. Чэн Цзие, видимо, показался ей слишком опасным, поэтому она притерлась обнаженным плечом именно к Юй Сингэ. Голос ее прозвучал приторно-сладко, диссонируя с вульгарным видом:

— Красавчик, не хочешь оформить абонемент в сауну? Сегодня скидка двадцать процентов, а на первое посещение скинем еще сотню.

Под тусклой, покрытой слоем пыли вывеской поблескивали ее накрашенные веки. Юй Сингэ вежливо, но твердо высвободил руку, прекрасно понимая, какого рода услуги скрываются за этим «абонементом».

— Спасибо, не нужно.

Девушка уже открыла было рот, чтобы настоять на своем, но натолкнулась на ледяной взгляд бесшумно шедшего следом брюнета. Она растерянно моргнула, но, сохранив профессиональную мину, защебетала еще слащавее:

— Ну тогда заходите в следующий раз, обязательно ждем!

Про себя же она недовольно скривилась, досадуя, что так глупо опростоволосилась.

В ее ремесле умение читать людей было главным правилом выживания. Тот хмурый красавец позади явно шел со своим спутником — лезть к ним дальше было себе дороже.

Они оставили тусклый пяточок позади. Спустя пару шагов Юй Сингэ услышал, как девушка уже зазывает следующего прохожего. Ее заигрывающий голосок мешался со скрежетом шагов и гулом голосов, создавая иллюзию бурной ночной жизни.

Толпа вокруг становилась плотнее, люди торопливо шагали мимо, рассеивая тяжелую ауру, сковавшую Чэн Цзие. Он протянул руку назад и негромко произнес:

— Дай мне руку.

Юй Сингэ, чья фигура почти растворилась во тьме, без секундного колебания вложил свою

ладонь в его ладонь. Воздух был душным и влажным, отчего их соприкоснувшиеся руки быстро стали влажными от пота. Гитарист мягко сощурился, переводя взгляд со взъерошенных на затылке волос Чэн Цзие на его длинные, сильные пальцы. В груди разлилось теплое чувство удовольствия.

А вот сердце Чэн Цзие колотилось так же лихорадочно, как исходила жаром его ладонь. Ему доводилось держать Юй Сингэ за руку бесчисленное количество раз, когда группа выходила на поклон после выступлений, но сейчас всё ощущалось иначе.

Каждый раз, когда он сжимал его пальцы, у него возникала сладостная иллюзия: что бы он ни сделал, его гитарист никогда не оттолкнет его. Удивительное, опасное в своей красоте заблуждение.

Эта улица и в обычные дни дышала атмосферой порочного безумия, а уж во время блэкаута и вовсе сорвалась с цепи. То тут, то там в темных нишах угадывались силуэты целующихся парочек.

Лишь у самого конца улицы толпа поредела, а многоголосый гул сменился относительной тишиной. Однако Чэн Цзие так и не разжал пальцев.

Летний зной плавил воздух, разжигая в людях внутренний огонь. У входа в один из переулков обнаружилась еще одна парочка: парень в вызывающей безрукавке стоял, привалившись спиной к стене и скрестив руки на груди, пока кто-то, низко нагнувшись, страстно целовал его в губы.

В крошечной тьме не было видно лиц, долетали лишь звуки — настолько откровенные и влажные, что Юй Сингэ невольно повернул голову на шум.

Чэн Цзие поначалу не придавал значения этой сцене, но, когда они поравнялись с переулком, стоявший спиной мужчина повернул голову, явив взгляду заросший щетиной профиль. Двое мужчин.

Шаг Чэн Цзие на мгновение сбился, пальцы дрогнули.

Увлеченные друг другом любовники явно не ожидали свидетелей в этой глухой подворотне. Тот, что в безрукавке, мягко придерживал партнера за подбородок. Чуть отстранившись, он недоуменно вскинул брови, отчего татуировки на его лице задвигались, словно ожившая гравюра укиё-э.

Затем его взгляд скользнул по фигуре Юй Сингэ и задержался на их переплетенных пальцах. На губах незнакомца промелькнула понимающая, двусмысленная усмешка, адресованная Чэн Цзие.

Брюнет инстинктивно разжал руку, выпуская ладонь Юй Сингэ.

Парень в безрукавке, досадуя на то, что им помешали, бесцеремонно притянул своего мужчину за затылок обратно к себе и увлек вглубь переулка, продолжая прерванное занятие.

Одно дело смотреть на такое на экране, и совсем другое — наблюдать вживую. Когда чавкающие звуки из темноты стали нарастать, кудрявый парень наконец утратил свое обычное невозмутимое спокойствие. Он озадаченно почесал затылок:

— Что это за взгляд сейчас был?

Этот Южный район издавна пользовался дурной славой. Несмотря на регулярные полицейские рейды, подпольный секс-бизнес здесь процветал, предлагая услуги на любой вкус — как женские, так и мужские. Со временем здешние подворотни превратились в излюбленное место для быстрых свиданий на скорую руку.

Чэн Цзие незаметно потер опустевшую ладонь. Юй Сингэ, похоже, не придавал значения тому, что тот отпустил его руку, но объяснять причину своего жеста вокалист не собирался — выдать истинные чувства перед гитаристом было слишком рискованно.

— Наверное, решили, что мы им мешаем, — отозвался он, маскируя внутреннее напряжение легкой, беззаботной полуулыбкой.

Юй Сингэ замолчал на секунду, и в этот момент Чэн Цзие тихо спросил:

— Тебе не кажется это странным?

— Что именно?

Настала очередь Чэн Цзие молчать.

До кудрявого парня наконец дошло, о чем идет речь, и его взгляд выразил крайнее недоумение:

— Да что в этом странного-то?

Он действительно не видел в этом ничего предосудительного.

«А если бы на их месте были мы?» — подумал Чэн Цзие.

Его взгляд потяжелел и опустился на задорный завиток волос у самого уголка губ Юй Сингэ.

Как бы гитарист отнесся к тому, если бы Чэн Цзие попытался прижать его к стене в этой темноте?

Одернув себя, вокалист отвел глаза и как бы между прочим спросил:

— Для тебя вообще есть какая-то разница? Ну, в плане предпочтений.

Он поспешно привел первый попавшийся пример:

— Ну, взять хоть того типа, который приставал к тебе на днях. Он вызвал у тебя отвращение?

Ведь одно дело — лояльно относиться к чужим пристрастиям, и совершенно другое — когда эти пристрастия проецируют лично на тебя.

— Тот урод действительно был невыносим, — ответил Юй Сингэ.

На мгновение у Чэн Цзие тоскливо сжалось сердце, но он не позволил эмоциям отразиться на лице.

— Но только потому, что он сам по себе гнилой человек, а не из-за его ориентации, — тихо добавил гитарист.

Эта ремарка была явно лишней. Словно Юй Сингэ вдруг уловил скрытый подтекст вопроса.

Чэн Цзие разжал кулак. Озадаченный, он прямо посмотрел на спутника.

Юй Сингэ поймал его взгляд. Губы его дрогнули, словно он порывался что-то сказать, но в последний момент передумал и промолчал.

Внутри у Чэн Цзие всё снова натянулось, как струна. Гитарист определенно почувствовал двойное дно в его расспросах, раз поспешил оправдаться.

В беспросветной тьме ночи сердце Чэн Цзие медленно поползло вниз. Переведя взгляд на открывшуюся за поворотом реку — такую же темную и бездонную, — он тихо произнес:

— Понимаю.

Одно дело — не испытывать неприязни к абстрактным геям. И совершенно другое — внезапно осознать, что твой лучший друг и по совместительству фронтмен группы смотрит на тебя вовсе не по-дружески. Чэн Цзие всегда отличался поразительной чуткостью к тем, кто был ему дорог, но сейчас ему оставалось лишь сохранять маску полного равнодушия.

Впрочем, терзаться догадками ему пришлось недолго. Речная гладь под порывами ночного ветра покрылась мелкой рябью, сливаясь с черным горизонтом. Из-за аварии на подстанции огни на пришвартованных катерах погасли, и теперь суденышки, гонимые течением, медленно жались к берегу. Силуэты их бортов в темноте выглядели на удивление живописно.

Юй Сингэ избавил своего вокалиста от мучений, озвучив то, что вертелось у него на уме:

— Брат, к чему эти расспросы?.. — Обычно бойкий на язык парень сейчас запнулся, явно подбирая правильные слова.

От этой заминки сердце Чэн Цзие болезненно сжалось. Он едва заставил себя поднять глаза и посмотреть на спутника.

Наконец Юй Сингэ решился. Уставившись на воду, он выпалил на одном дыхании, будто слова обжигали ему губы:

— Брат, ты ведь не гомофоб?

«Ты же не презираешь таких людей?»

Ветер над рекой стих, оставив после себя мертвую, звенящую тишину.

Чэн Цзие опешил. Вопрос гулким эхом отозвался в его сознании.

«Ты ведь не гомофоб?»

Он не знал, как реагировать. В первую секунду ему отчаянно захотелось рассмеяться — то ли от нелепости предположения, то ли от дикого облегчения, что его истинные мотивы остались нераскрытыми. Впрочем, поразмыслив, он признал: его туманные намеки действительно можно было истолковать двояко. Тут Юй Сингэ винить не в чем.

Подстроившись под ситуацию, он спросил:

— С чего ты это взял?

Сама мысль казалась ему невероятно комичной.

Юй Сингэ облокотился на ограждение. Река шумно несла свои воды куда-то в темноту. Лицо гитариста сделалось хмурым.

— Слышал я одну историю... Будто когда-то давно какой-то парень пытался подарить тебе

цветы, и тебя от этого чуть наизнанку не вывернуло.

— Мне рассказывали, — торопливо добавил он.

Разумеется, дело было не только в старых сплетнях — Юй Сингэ просто ухватился за удобный повод разузнать правду. Его пальцы едва заметно забарабанили по холодному металлу перил. На самом деле он всерьез опасался, что Чэн Цзие скрывает в себе гомофобные наклонности. Иначе почему тот до сих пор держал дистанцию и не делал никаких шагов навстречу?

Чэн Цзие не ожидал, что до его спутника дойдут эти слухи. Расслабившись, он тоже привалился к перилам и с улыбкой пояснил:

— Любой человек пришел бы в ярость, если бы перед ним посреди улицы внезапно выскочил голый мужик с букетом наперевес.

То происшествие определенно входило в топ самых омерзительных воспоминаний его жизни, и повторять этот опыт вокалист не собирался.

— А во всем остальном... ты явно преувеличиваешь.

Раньше ему было абсолютно плевать на чужие постельные предпочтения, так что ни о какой гомофобии не шло и речи. Теперь же, когда перед ним стоял парень, к которому он питал самые нежные чувства — стопроцентный, чертовски привлекательный мужчина, — глупо было отрицать очевидное. Чэн Цзие принял свою сущность без лишних колебаний.

Юй Сингэ задумчиво кивнул. Ветер над рекой разгулялся с новой силой, его ледяное дыхание заставляло ежиться. Из головы окончательно выветрились остатки выпитого алкоголя.

Чэн Цзие почувствовал, как от ночной прохлады начинает ныть висок. Едва успокоившееся сердце вновь затрепетало. Тема была зыбкой, но он не удержался и тихо спросил:

— А сам ты... как к этому относишься?

Вопрос прозвучал вкрадчиво, но предельно четко.

Взгляд Юй Сингэ, обращенный к нему, в полумраке казался пронзительно-ярким. Помолчав, гитарист мягко улыбнулся, и его тихий смех растаял в ночи:

— Мое отношение в точности совпадает с твоим.

Ветер унес эти слова, оставив после себя лишь легкий шлейф недосказанности.

«Издевается ведь», — со вздохом подумал Чэн Цзие.

Если его чувства к Юй Сингэ давно вышли за рамки дружеских, означало ли это, что парень готов ответить ему тем же?

Скорее всего, тот сморозил глупость просто по незнанию, или же вложил в свой ответ самый невинный смысл. В памяти Чэн Цзие всплыли предостережения Ду Цяо и те едва уловимые флюиды, что то и дело проскакивали между ними в последнее время. Вопросы множились, лишая его покоя.

После того как погасли последние уличные фонари, единственным украшением реки остался ущербный лунный диск, чей серебряный свет дрожал на водной глади. Юй Сингэ лениво разглядывал блики на воде и случайно задел носком кроссовки мелкий камешек.

Тот со звонким плеском канул в темную глубину, мгновенно разрушив окутавшую их тишину.

Чэн Цзие решил не развивать опасную тему, вновь загнав непрошенные мысли поглубже в подсознание.

Плеск воды сработал как триггер, вернувший миру его звуки. Вновь зашумела река, зашелестел листвою ветер, а откуда-то со стороны набережной донесся шипящий голос старого кассетника — кто-то умудрялся готовиться к экзамену по английскому даже при свете луны.

Освещенный серебристыми лучами берег казался сейчас самым уютным местом. Старательными учениками оказалась молодая парочка. Примостившись у кромки деревьев, они увлеченно повторяли иностранные фразы вслед за диктором.

Чтобы прервать затянувшееся молчание, Чэн Цзие негромко заговорил:

— Ли Гу в свое время тоже сдавал этот тест, хотел уехать за границу. Баллы набрал отличные, а вот визу ему так и не одобрили.

— И что было дальше? — полюбопытствовал Юй Сингэ.

Вокалист не ожидал, что эта пустяковая история вызовет интерес, но продолжил:

— Да ничего особенного. Никуда он в итоге не поехал. Как раз в то время девчонка, за которой он бегал, ответила ему взаимностью. Они быстро сошлись и сыграли свадьбу.

Он завел этот разговор исключительно ради того, чтобы сменить тему, но собственные слова внезапно заставили его вспомнить недавний вопрос Ду Цяо.

«Почему ты за столько лет так и не женился?»

Он осекся.

Юй Сингэ повернулся к резко замолчавшему другу и вопросительно приподнял бровь:

— Что-то не так?

В темноте лица оставались размытыми пятнами, и лишь благодаря лунному свету можно было уловить внезапную растерянность Чэн Цзие. По воде побежали яркие блики: к берегу прибило плывущий бумажный фонарик. Он тихонько стукнулся о бетонное основание с мягким, хрустальным шорохом. Перила набережной были слишком высокими, так просто не дотянуться и не достать его.

Шорох этого фонарика вдруг показался Чэн Цзие оглушительно громким. Мир вокруг обрел предельную четкость, и лишь мысли, подогретые алкоголем, слегка путались.

«Почему я не женился?..»

Он качнул головой, прогоняя наваждение. Речные волны с мерным рокотом разбивались о плиты. Чэн Цзие промолчал, чувствуя, как от внезапной нехватки воздуха сдавило грудь. Легкий порыв ветра взметнул у его ног серую пыль, а прилетевший со столба голубь лениво принялся клевать что-то в сухой траве.

В этой сонной тишине Юй Сингэ никак не мог разгадать, что творится в душе его друга. Красивый брюнет молчал, его потемневший взгляд застыл на гитаристе.

Запах магнолии, вьевшийся в одежду вокалиста во время долгих посиделок на балкончике репетиционной базы, казалось, стал отчетливее.

— Если ты когда-нибудь решишь остепениться... какого человека ты выберешь в спутники? — негромко спросил Чэн Цзие, вкладывая в эти простые слова всю ту тяжесть, что копилась у него на сердце.

Неужели Юй Сингэ когда-нибудь свяжет себя узами брака с кем-то другим? Даст клятву верности до гроба какому-то чужому человеку? У самого Чэн Цзие были веские причины оставаться одному, но у Юй Сингэ их могло и не быть. От этой мысли во рту разлилась невыносимая горечь. Он вдруг с пугающей ясностью осознал: он никогда даже не допускал мысли, что этот парень может исчезнуть из его жизни. Что он может принадлежать кому-то еще.

Юй Сингэ растерялся:

— Вряд ли я когда-нибудь женюсь.

Тема казалась слишком далекой от реальности, да и в Китае однополые союзы не регистрировали.

Шелест деревьев глушил долетавшие издали обрывки английских фраз, превращая их в тихий монотонный гул.

Кудрявый гитарист почесал затылок и настойчиво повторил:

— Я серьезно.

Чэн Цзие промолчал. В его глазах отразилось нечто такое, чего Юй Сингэ расшифровать не сумел. Молчание затянулось, показавшись обоим бесконечным.

Наконец вокалист заставил себя улыбнуться и ласково взъерошил мягкие, густые кудри на голове парня. Это мимолетное прикосновение принесло ему странное успокоение.

— Верю, — мягко обронил он.

Разумеется, он не поверил ни единому слову.

За время этой долгой паузы до Чэн Цзие дошла простая истина: он заблуждался. Если он продолжит бездействовать, его гитарист рано или поздно окажется в чужих объятиях. Он женится, будет шептать слова любви какой-нибудь незнакомой девушке, уйдет строить собственную судьбу, полную радостей и горестей, к которым Чэн Цзие не будет иметь никакого отношения.

Юй Сингэ был слишком молод.

Перед глазами вокалиста развернулась картина будущего: долгий, тернистый путь, который предстоит пройти этому яркому, полному жизни юноше. Рано или поздно они разойдутся, и Юй Сингэ придется в одиночку встречать жизненные бури. А Чэн Цзие не сможет быть рядом. Жизнь слишком длинна, а статус простого друга не дает права на вечное присутствие.

«Нет, я так не хочу», — твердо решил он.

Иначе он навсегда останется трусом, побоявшимся открыть душу.

Трус. Жалкий трус. Никогда в жизни к Чэн Цзие не применяли подобного слова.

За его внешней сдержанностью и показной ленью скрывалась гордость столь безграничная, что никто не посмел бы упрекнуть его в малодушии. И лишь сейчас этот гордец осознал: вся его бывшая уверенность зиждилась на слепой вере в то, что гитарист никуда не денется. Он полагал, что у него вагон времени.

Но ведь шанс действительно есть. Так почему бы им не воспользоваться?

Опередить всех и забрать этого сияющего юношу себе, заключить в объятия. Жизнь коротка, и безрассудной смелости ему не занимать. Даже если признание все разрушит — по крайней мере, он попытается.

Хотя нет. Ничего они не разрушат.

Теперь, когда он выяснил, что Юй Сингэ не испытывает отвращения к мужчинам, в нем крепла уверенность. У него хватит терпения и ума создать нужные моменты, чтобы заставить гитариста посмотреть на него другими глазами.

Он мягко, незаметно просочится во все сферы жизни Юй Сингэ. Сделает так, чтобы тот полюбил его. Шаг за шагом они пройдут путь от товарищей по группе до самых близких людей. У него достаточно времени, чтобы действовать тонко, не вызывая подозрений.

Это будет похоже на заботливый уход за редким растением. Впрочем, Юй Сингэ не хрупкий цветок — он куда сильнее, выносливее и прекраснее.

На ночной реке одинокий рыбак закидывал удочку. Доносился приглушенный смех влюбленных, тихо шипел кассетник. Все эти звуки сливались в мягкий фон.

В темноте губы Чэн Цзие тронула едва заметная усмешка, а взгляд, устремленный на Юй Сингэ, наполнился нежностью. Он больше не хотел ворошить прошлое, гадать, были ли знаки внимания реальными или надуманными. Всё это не имело значения. Он хотел обладать этим человеком здесь и сейчас, и думал только о будущем.

Юй Сингэ, не подозревая о буре в чужой голове, почувствовал вибрацию телефона и достал его из кармана. На экране высветилось новое сообщение.

Когда он склонился над дисплеем, воротник куртки слегка съехал, приоткрывая светлую полоску кожи на затылке.

Чэн Цзие протянул руку и аккуратно поправил ткань. Его теплые пальцы скользнули по шее парня, на секунду задержавшись на чувствительной коже. Она оказалась удивительно нежной и мягкой на ощупь.

Юй Сингэ, не поднимая головы, удивленно приподнял бровь. Блеклый свет экрана не позволял

разглядеть его лица.

Контраст между ледяным речным ветром и обжигающим прикосновением чужой ладони заставил его убрать телефон обратно в карман.

— Кто пишет? — спросил Чэн Цзие, так и не убрав руку, которая теперь собственнически покоилась на шее гитариста.

— Хэ И. Предлагает поужинать вместе через пару дней.

Поскольку он уже уверял вокалиста, что между ним и Хэ И нет ничего, кроме чисто рабочих отношений, то ответил легко и непринужденно.

Однако Чэн Цзие лишь двусмысленно усмехнулся. В этой улыбке Юй Сингэ почудилось нечто опасное, но завораживающе красивое.

— Ты ведь говорил, что тебе нравятся милые девушки? — вкрадчиво напомнил брюнет.

Юй Сингэ на мгновение лишился дара речи.

Надо же было принять за чистую монету ту несусветную чушь, которую он спорол не подумав. На самом деле его всегда привлекали мужчины вроде Чэн Цзие.

Если говорить точнее — именно этот конкретный мужчина.

Шумел ночной ветер. Электричество в Цичэне так и не дали — коммунальные службы работали с той же ленивой неторопливостью, с какой доживал свой век этот полузаброшенный старый район.

Юй Сингэ сощурился, уловив едва заметную перемену в атмосфере между ними.

Речные волны плавно несли воду к берегу, и потерявший огонек бумажный фонарик тихо приткнулся к причалу.

Бесшумно.

И очень красиво.

<http://bllate.org/book/18241/1765500>